

В янтаре / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

В янтаре / рассказ В ЯНТАРЕ

Это было уже слишком. Андрей Петрович вырвался из Москвы на Куршскую косу, к Балтийскому морю, всего-то на пару дней.

20 лет назад, после окончания школы, он отдыхал здесь с родителями и из тощего бледного подростка с синяками под глазами и единственным желанием – спать – довольно быстро превратился в нормального парня, с лёгким загаром и запасом энергии на ближайший учебный год. С тех пор он считал Куршскую косу местом силы, где можно быстро восстановиться, как бы ты ни был расшатан и вымотан. После авральных мероприятий в банке, где Андрей Петрович работал начальником IT-департамента, ему это было жизненно необходимо. Бухгалтерия опять всё напутала и вынудила его самого и «бойцов» (как Андрей Петрович называл своих подчинённых) «пахать» несколько дней почти круглосуточно, чтобы восстановить порядок в клиент-банке.

Андрей Петрович шёл босиком по песку, закинув кроссовки за плечо, и снова ему звонили с работы.

– А почему они сами не сделали? Так и передай. Нет, я сказал... После недавнего шторма на песке валялись кости каких-то рыб, водоросли, мелкий янтарь. Он шёл не глядя, куда наступает, укалывал пятки, не замечая этого.

«О господи. Когда это всё кончится? Могу я немного, немного хоть отдохнуть?!»

– Разбирайтесь сами. Или подвешивайте вопрос. Как, вот так. Всё.

Он хотел убрать телефон в задний карман джинсов, но промазал, и тот свалился на песок. Телефон тут же накрыло волной.

– Чёрт. Ну...

Он нагнулся поднять телефон, но передумал и со злости пнул его ногой, дальше в воду.

– Надоели.

Андрей Петрович распрямился – и то ли слишком резко дёрнулся, то ли солнце напекло голову (зря он не взял бейсболку, думал, в апреле это ещё не нужно) – у него в глазах вспыхнули разноцветные пятна, живот скрутило, и он почувствовал, как всё куда-то уплывает.

«Телефон...»

Последнее, что он увидел – как плавно заваливается линия горизонта.

Когда Андрей Петрович пришёл в себя и открыл глаза, солнце было ещё высоко. Вокруг никого не было. «Норм», – подумал он и попытался встать. Но почувствовал, что не может пошевелить ни рукой, ни ногой.

«Хорошо меня припечатало. Ничего. Щас отдохну и встану». Он закрыл глаза, попытался глубоко дышать, но обнаружил, что и вдохи ему не даются. Он открыл глаза и понял, что было не так: всё окружающее выглядело, как сквозь мутное и кривое жёлтое стекло.

– Эй! Есть тут кто-нибудь?

Звук был глухой, как будто на нём была маска-респиратор.

По деревянным ступеням с дюны к морю спустилась группа туристов-немцев. Они часто приезжали в Калининградскую область, посмотреть на земли, которые до Великой Отечественной принадлежали Германии. Туристы что-то галдели и живо обсуждали – Андрей Петрович ничего не понял, кроме слова «морген».

– Эй!

Они его не слышали. Одни, подвернув брюки, заходили в воду, другие записывали что-то в блокнот за экскурсоводом, третьи фотографировали божьих коровок, собравшихся на палке, воткнутой в песок.

– Морген!

Никакой реакции. Экскурсовод хлопнул дважды в ладоши, и вся группа собралась рядом с ним. Они ушли вверх по деревянной лестнице, отряхивая ноги от песка и делясь впечатлениями.

– Эй!!! Что происходит? Ахтунг! Верботен!

Андрей Петрович быстро исчерпал свой запас немецких слов. Он,

и правда, был словно за каким-то неровным жёлтым стеклом, обездвиженный, не в силах ничего предпринять.

На берегу, среди прочих, лежал маленький кусочек янтаря. С одного бока он был блестящий, с другого – шероховатый и мутный, со сколами. Издалека он был неотличим от остальных. Но есть особенные камни, с сюрпризом, в которых застыли насекомые или иголки доисторической хвои. Этот янтарь был одним из таких, но ещё более странным.

Внутри него застыл, как древняя муха, начальник IT-департамента московского банка Андрей Петрович, который так мечтал отдохнуть – и вот, непонятно каким образом теперь заключён в жёлтой окаменевшей смоле. Время для него остановилось, и спешить, наконец, ему было некуда...

Андрей Петрович в своём янтаре лежал так на берегу не известно сколько времени. День сменял ночь, наступал новый день, и снова одно и то же. Туристы появлялись редко: был ещё не сезон, – и никто его не заметил среди мусора на песке.

Семья Андрея Петровича, которая осталась в Москве, забила тревогу, но не сразу. Сначала жена обижалась, что муж ей не пишет и не звонит.

– Ну мало ли, может, батарея села, что-то с зарядкой, – утешала её мать.

– Мог бы и купить новую зарядку. Что за хамство вообще?! Как будто все должны волноваться!

Через сутки она всё-таки поборола свою гордость и дозвонилась в гостевой дом, где остановился Андрей Петрович. Там сказали, что он ушёл гулять и не возвращался.

Полиция его, разумеется, не нашла.

Жена металась от приступов паники, не утонул ли он в море, к возмущению, что он её бросил и даже не потрудился уведомить.

Сыну решили не говорить, пока ситуация не разъяснится.

– А что такое командировка?

– Ну это когда уезжают надолго из-за работы.

– А почему он мне не звонит? Я плохо себя вёл?

– Ну что ты, солнышко. Он тебя любит, и ты замечательный.

Блин! Кто рассыпал гречку по всему полу?!

И сын вздыхал: точно, это из-за него.

На работе, в московском банке первое время без начальника IT-департамента царил хаос, бухгалтерия «стояла на ушах» и писала гневные сообщения председателю банка, его заместителям и в головной офис. Но спустя время все функции Андрея Петровича распределили между сотрудниками, а вскоре и вовсе нашли ему подходящую замену, так что о его странном исчезновении никто уже не вспоминал.

У Андрея Петровича теперь было много времени. Он думал о прошлом.

О том, как много «пахал», с утра и до ночи. И о жене, которая совсем о нём не заботилась. Она в лучшем случае оставляла ему ужин на столе с запиской: «Посоли меня» или «Собака не гулена». Это значило, что, как бы ты ни устал, надо было снова одеваться и выгуливать их весёлого рыжего корги. Рубашки он гладил себе сам.

Когда-то давно они с женой были счастливы – во всяком случае, Андрею Петровичу так казалось. Но теперь от него ускользало то ощущение. Как это было? И было ли. Может, он ошибался? Или просто янтарные стенки, которые давили и теснили его со всех сторон, не давали верно воспринимать прошлое, искажая воспоминания?

Жена в первые годы была нежной, старалась угадывать его вкусы насчёт еды и досуга. И всё бы хорошо, но только она не очень любила секс и постоянно увиливала от «долга». Андрею Петровичу (тогда ещё просто Андрею) было обидно, он старался не показывать, что его это задевает. «Не буду выпрашивать. Пускай сама захочет». Она могла не захотеть и пару месяцев. Может, их отношения и стали остывать.

Потом родился сын, и жена увлеклась им так же, как раньше увлекалась строительством молодой семьи и своей карьерой молодого начальника-экономиста. Она была хорошей мамой, таскала малыша на развивающие занятия, сама вырезала и клеила для него игрушки, чтобы не нагружать семейный бюджет лишними тратами (ведь у них осталась одна зарплата на троих).

Как раз тогда у Андрея начались проблемы с работой, пришлось уходить с «тёплого места» сисадмина в маленькой фирмочке хороших знакомых. На полке в прихожей, где всегда лежала пачка денег на текущие семейные расходы, теперь на несколько дней могло не остаться ни одной купюры.

В тот момент у Андрея появился интерес на стороне, вернее, на новой работе. Он считал себя несправедливо обделённым вниманием жены (хотя претензий к ней не предъявлял, всё понимая: на ней и малыш, и хозяйство) и потому имеющим право на лёгкую интрижку.

Жена ничего не говорила. Знала она или нет? Она вообще перестала с ним разговаривать о чём-то, кроме бытовых вопросов.

«Сыр, молоко, помидоры если будут хорошие, кинза, куриные грудки» – такие смс-ки он теперь только и получал от неё.

«Во сколько придёшь?»

«Пока не знаю, задержусь»

Он натягивал брюки, стряхивая с них белую шерсть от кошки своей коллеги, у которой проводил вечера – чтобы жена не нашла.

Домой идти ему совсем не хотелось.

Сын любил папу, и Андрей Петрович обожал с ним играть, но на совместные дела у них оставалось мало времени. Жена определила своего любимчика в 5 разных кружков и секций, плюс бассейн, не говоря уже о школе и домашних заданиях, так что все дни у него были плотно заняты, и к вечеру он уставал. Это был чрезвычайно деловой ребёнок.

– Куда ты его сейчас разгуляешь перед сном? – говорила жена холодно, не глядя на него, и уводила сына спать в детскую.

Она сидела там с малышом ещё минут 15, обнимая, читая сказки. Что они ещё там делали? У них с сыном был свой мир, в который никого не пускали.

– Ну что. Хорошо. Будет отлично развит, – говорил Андрей Петрович своим друзьям и дальним родственникам, которые иногда собирались на праздники.

Их семейные проблемы не обязательно было знать окружающим, тем

более, родным, которые так и норовят поделиться своим опытом и надавать советов.

Как сын теперь там? Пожалуй, только по нему Андрей Петрович и скучал по-настоящему. Может, это и держало его живым в куске янтаря, потому что надеяться было не на что, а жить миллиарды лет, как та муха, в застывшей смоле, не имело смысла.

В середине июня на Балтике начался сильный шторм, который не утихал несколько дней (задули сильные ветра, похолодало и даже кое-где выпал снег), и зелёные волны достигали песчаных дюн, построенных для защиты Куршской косы от ветра. Андрея Петровича в его янтаре смыло в море.

Он подумал, что это конец.

Впрочем, смена обстановки вызвала у Андрея Петровича некоторый интерес. Он давно мечтал заняться дайвингом, изучая морские глубины, но всё не хватало времени. Даже в отпуске ему приходилось работать, а последние два года он отправлял жену с сыном на курорты, сам оставаясь «на линии огня».

Но увы – и здесь ему тоже не повезло – вода Балтийского моря была мутной, и подводный мир бывшему IT-начальнику так и не удалось узнать. Просто стало темно и прохладно. Здесь, сквозь толщу воды, солнце уже не нагревало его камень, как на берегу.

Андрей Петрович думал, что так и не научился рисовать, хотя давно уже сделал закладку в компе со страницей учебной студии. Не доучил испанский язык, который не то чтобы был ему нужен для жизни, но давал хоть какое-то разнообразие.

К своим 40-ка годам бывший IT-начальник много чего не достиг и не успел сделать. В сущности, что у него было? Семья на грани распада, вернее, фактически она уже перестала существовать – просто он не хотел об этом думать. Пара связей с женщинами – адюльтер приятно щекотал нервы и давал ощущение жизненного «потока», подъёма – остались в прошлом. А одна из интрижек закончилась не очень хорошо: девушка посчитала себя оскорблённой и подкидывала свои волосы в его вещи, пачкала рубашки помадой, провоцируя семейные скандалы. Андрей Петрович едва успевал отслеживать «компромат». Пришлось поменять

работу.

С тех пор он «завязал» с женщинами на стороне.

Впрочем, ему часто уже вообще ничего не хотелось. У Андрея Петровича не хватало энергии даже на самые простые дела. Он ловил себя на том, что посреди дня иногда переставал слышать звуки и реагировать на любые раздражители, погружившись как бы в прострацию, где нет ни верха, ни низа. Может, от скачков напряжения срабатывал «предохранитель» и разрывал «электрическую цепь» в организме?

Удивительно, но в своём янтаре Андрей Петрович совсем не спал. Его мозг был ясен, как никогда, и не хотел останавливаться. Иногда, чтобы не сойти с ума, гоняя мысли по кругу (хоть и прожито 40 лет, а возвращаются думы почему-то к одному и тому же), он начинал считать: 1, 2, 3, 4, 5... 1024... 1078655...

Или придумывать мелодии. В музыке он не разбирался и никогда не пробовал сочинять. Но говорят, даже если дать тысяче обезьян печатную машинку и бесконечное количество времени, то рано или поздно они случайным образом напечатают «Войну и мир». Андрей Петрович считал себя всё-таки более способным, чем тысяча обезьян, и звуки в его голове из хаоса постепенно начали складываться в подобие мелодий.

Хотя сколько времени прошло с начала этого странного происшествия, он уже и не знал.

А потом ему стало здесь даже нравиться. Появилось какое-то смирение и спокойствие. Андрею Петровичу стало абсолютно всё равно, что там снаружи: жена, работа, друзья, – это больше не ранило, не волновало, не имело значения и смысла.

Может, это и была нирвана?

Андрей Петрович читал когда-то обрывками про буддизм, интересовался, но так и не изучил всерьёз. Он много чего не сделал. Думал, впереди полно ещё времени.

В конце лета шторм снова выбросил злополучный янтарный камушек на берег, и на этот раз его почти сразу нашёл какой-то парень. – Ого! Тут муха! Па, смотри!

– Сам ты муха, – подумал Андрей Петрович беззлобно. Он был

рад, что видит, наконец, людей, даже если они его не признают за своего.

– И какая жирная, – отец поднял янтарь и просветил на солнце.

– Или это не муха? Сынок, похоже, это пластмасса, там что-то не древнее. Фигурка или...

– Ну и что. Он красивый. Я маме его подарю.

«Теперь меня кто-то подарит кому-то. Ну и ну. Чудно!»

От рук мальчишки было тепло. Впервые за всё время, проведённое в янтаре, Андрей Петрович заснул и не видел, как его принесли домой, как вручили маме «прикольную штуку» и положили на стеклянную полку у зеркала, среди помад, заколок и ключей от номера. Он не слышал, как они собирались уехать к себе домой, в Иркутск, вызывали такси в аэропорт и паковали чемоданы.

Хрясь! – и его янтарная скорлупа треснула, придавленная с одной стороны зеркальцем, а с другой – флаконом туалетной воды, – когда мама застёгивала набитую вещами сумку.

Андрею Петровичу стало нечем дышать. Без янтара он как будто оказался голым, совсем без защиты перед этим миром

Он очнулся в больнице, под капельницей и с дыхательной маской на лице.

– Янтарь... Я умер? Нет, вы живые. Живые люди!!

Ему казалось, что он закричал, но голос еле прошелестел.

Медсестра поправляла капельницу. Врач, стоя спиной к Андрею Петровичу, изучал показания приборов, с которыми тот был связан проводками и трубочками.

За стеклом бокса стоял тот самый мужчина, что назвал его жирной мухой. Видно, они не улетели, чтобы привезти его сюда.

Андрей Петрович хотел вскочить, но не смог, только слабо дёрнулся. Наверное, мышцы атрофировались за долгий период янтарного бездействия. Врач заметил движение.

– Куда? Вы ещё слабый.

– Какой сейчас год?

Врач и сестра переглянулись и рассмеялись.

Мужчина за стеклом бокса улыбнулся тоже: понял, что всё обошлось.

Андрей Петрович возвращался в Москву на самолёте. Внизу уже была ночь, но тут, в небе, ещё виднелось закатное солнце, а вокруг него светилось гало.

Андрей Петрович знал, что прошлое осталось в прошлом, слишком далёком, чтобы сейчас это вспоминать. Он не разведётся с женой, попробует наладить с ней отношения. Сына он очень хотел увидеть, наконец, и обнять – и боялся, что тот не простит долго отсутствия, спрячется за мамину спину.

Работу бывший IT-руководитель потерял – ну и пусть. Она давно не давала ему ни профессионального роста, ни радости. Он найдёт что-то лучше.

Впрочем, всего этого он не думал. Он просто знал, чувствовал. За время, проведённое в янтаре, Андрей Петрович так устал от мыслей, сожалений и воспоминаний, что теперь хотел просто жить.

Сейчас он верил своим ощущениям. А они говорили, что всё в его руках. И всё ещё может наладиться.

Об авторе: ЮЛИЯ БОЧАРОВА

Сценарист, драматург и прозаик. Окончила ВГИК по специальности «драматургия». Победитель конкурса драматургии «Монолит» (2019 г.), конкурса сценариев 36 Международного студенческого фестиваля ВГИК (2016г.), финалист «Питчинга дебютантов», конкурса пьес «Время драмы. Лето» и др. Публикация в журнале «Литература» (№ 144). Neкаýalar